

ФЕНОМЕН ЗАБОТЫ В ФИЛОСОФИИ ЯНА ПАТОЧКИ И МИШЕЛЯ ФУКО

Юлия Щербина¹

Abstract

The article is dedicated to the phenomenon of care in the philosophy of such thinkers as Michel Foucault and Jan Patočka. The aim of the article is to compare two different interpretations of the ancient concept of care considering some peculiar properties of structuralism and phenomenology. Care for the soul and care of the self are basic concepts which can be interpreted not only in a line of history of philosophy but also as life strategies in a modern society. In this way, the phenomenon of care cannot be interpreted only as a moral or social notion, but also as a gate to truly philosophical and rational life. The pursuit of the truth, self-development and taking the responsibility are the main features of the care.

Keywords: care for the soul, care of the self, responsibility, truth, philosophical life.

«Бытие только тогда начинается,
когда ему грозит небытие».
Фёдор Достоевский

Классическая философия была основана на позиции, которая провозглашала разумное устройство мира. Ещё Гегель в лекциях по философии права утверждал, что «всё разумное действительно и всё действительно разумно». Философы того времени придерживались мнения, что они живут в «этом лучшем из миров». Однако классическая философия не могла не видеть несоответствие того, что провозглашается, реальности. И хотя многие из них отмечали этот дисбаланс, вера в разум и прогрессивное развитие общества не могли быть поколеблены. Для современности точкой невозврата стала Первая мировая война.² Это событие поставило философов и людей, не приобщённых к знанию, перед фактом того, что в мире существуют неоправданная жестокость, насилие; это событие заставило каждого столкнуться лицом к лицу со

¹ Юлия Щербина – студентка отделения философии факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета (г. Минск, Беларусь).

² См.: Мамардашвили М. *Очерк современной европейской философии*. М.: Азбука-классика, 2012.

смертью, болью, страданием, разочарованием. Этот *разрыв* не мог не повлиять на дальнейшее развитие философской мысли.

Таким образом, классическая философия с её тягой к системности, верой в разум и просветительской интенцией уступила место современной философии, которая призвана решить те проблемы, которые предыдущая традиция оказалась не в состоянии разрешить. Теперь перед нами философия, которая обращена к человеку, его проблемам и социальному бытию. Именно эта философия тем не менее постоянно возвращается к теме кризиса, а также утверждает, что всё развитие технической цивилизации, которая привела человечество к обилию войн и насилия, является *патологичным*.³ Эдмунд Гуссерль связывал радикальный жизненный кризис с кризисом наук;⁴ Огюст Конт видел причину подобного состояния в недостатке общественного консенсуса; Маркс обращал внимание на внутреннее разложение и упадок способа производства, на отчуждение рабочего от товара, который он производит, от собственного труда в конце концов, от другого человека и человеческого рода.

В ситуации, когда человек постоянно сталкивается с проявлениями разного рода кризисов, начиная от экономического и заканчивая духовным, в ситуации, когда экзистенциализм утверждает, что человек *обречён* на свободное существование в мире, а марксизм говорит об *отчуждённом* существовании человеческого индивида, признаки того, что необходимо что-то изменить, всё более явственно проступают в ткани социального бытия. Рост числа самоубийств, ментальных болезней, бунтарство молодёжи, стирание социальных табу, домашнее насилие, ощущение потерянности, нарастающее напряжение в связи с укрепляющимися в обществе феноменами лицемерия, эгоизма, одиночества, *безразличия, страха, тревоги* – все эти симптомы современности заставляют философов обращать своё внимание на основания западной цивилизации.

Когда речь заходит об основаниях, взоры философов с неизбежностью обращаются к античной традиции, ведь именно в этот период было поставлено большинство вопросов, ответы на которые ищут до сих пор. Одним из таких вопросов, озвученных ещё Сократом, становится *проблема заботы*. Что человек должен делать, чтобы позаботиться о себе, своей душе, т. е. нравственном облике, как он может это сделать, что представляет собой феномен заботы.

Для современной философии эта тема особенно актуальна, поскольку подобное знание может помочь человеку понять как жить, что становится важнейшей точкой отсчёта его существования. К феномену заботы в своих работах обращались многие философы, в том числе представители постструктурализма и феноменологии в лице Мишеля Фуко и Яна Паточки соответственно. Учитывая про-

³ Паточка Я. Обречена ли техническая цивилизация на упадок и если да – почему? // Паточка Я. *Еретические эссе о философии истории*. Минск: И.П. Логвинов, 2008. С. 120–148.

⁴ См.: Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. Минск: Харвест, 2000.

тивостояние данных течений, интересно проследить то, как понимается феномен заботы в обоих направлениях философской мысли, что может привести нас не только к сравнению двух точек зрения на феномен заботы, но и к пониманию того, насколько современная философия в состоянии разрешить те проблемы, которые оставила после себя классическая философия.

Для начала обратимся к трактовке заботы феноменологической традицией, представленной в данной статье Яном Паточкой, чешским философом, участником движения *Хартия 77*, учеником Эдмунда Гуссерля, исследователем античной традиции, философии истории и истории философии. Именно при изучении античной философии Паточка и столкнулся с феноменом заботы, которую Платон в своих диалогах детализировал как заботу о душе.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что Паточка обращается к «заботе о душе» в двух основных контекстах. Первый – это рассмотрение указанного феномена в качестве ядра европейской традиции в рамках феноменологического принципа созерцания.⁵ В данном контексте философ различает три основных аспекта заботы о душе: забота о душе как онтологический проект, забота о полисе и забота о душе как внутренняя жизнь. Второй контекст связан с развитием европейской истории⁶ и влиянием заботы о душе на её течение. Однако в обоих случаях можно утверждать, что забота о душе является жизненным принципом, в рамках которого определяющим фактором выступает движение истины,⁷ т. е. способность ставить истину выше собственной жизни.

Говоря о душе как ядре европейской традиции, необходимо отметить её связь с принципом созерцания. Следует также повториться, что забота о душе – это движение истины. По Паточке, стремление к истине неразрывно связано с философией, а значит, вопрошанием и обоснованием. На этом пути человек «заново проблематизирует каждый полученный результат»⁸. Если он стремится к достижению универсального обоснования и созерцания именно таким способом и утверждает их в качестве необходимого требования, т. е. такого требования, которое выполняется вновь и вновь с одинаковой настойчивостью, «человек обретает новую установку по отношению к истине»⁹. В связи с этим мышление играет существенную роль. Оно является действием, посредством которого человек *преобразует* себя в подлинную самость, творит сам себя,

⁵ См.: Прилуцкий П. Предисловие переводчика // Паточка Я. *Европа и пост-Европа. Постъевропейская эпоха и её духовные проблемы*. Минск: И.П. Логвинов, 2011. С. 8–13.

⁶ Паточка, *Обречена ли техническая цивилизация*, указ. соч. Забота о душе в данной работе выступает как один из принципов философии истории Яна Паточки.

⁷ Движение истины, равно как движение репродукции и укоренения, выступает не чем иным, как движением человеческой экзистенции, определяющей поведение человека.

⁸ Паточка, *Европа и пост-Европа*, указ. соч., с. 83.

⁹ Там же.

сам себя находит. Мышление направлено к истине, которую оно воспринимает, и происходит в душе, являясь её неотделимой частью. Наравне с мышлением путями воздействия души на саму себя также могут быть названы эмоции и вожделение. Однако в последних двух случаях воздействие происходит более неопределённо и расплывчато.

«Мышление важно как позитивный, определяющий, обогащающий орган заботы о душе, орган её бытия благой, её совершенствования, возрастания уровня её бытия. ...Мы можем понять душу, постигнуть и увидеть её сущность только тогда, когда мы о ней заботимся».¹⁰

Забота о душе протекает в форме вопрошающего мышления, что объясняет тот факт, что философия является центром заботы о душе, так как она зародилась и развивалась на основе вопрошания и обоснования. Это вопрошание принимает форму *разговора*, который не может быть завершён, в ходе которого человек подвергает проблематизации самого себя. Эта неполнота, незавершённость, позволяет душе осознать своё незнание, а значит, приобрести опыт бытия. Таким образом, в душе сочетаются единство и раздвоенность, постоянство и текучесть, точность и размытость.

В соответствии с этим забота о душе есть открытие двух областей, в которых она движется. Первая область – это сфера *doxa*, мнения, повседневного, обыденного; это душа «неопределённой непосредственности»¹¹. Она не имеет чётких контуров и границ, она расплывчата и неопределённа. Вторая область – это сфера исследования; это душа вопрошающая и рефлексивная. Её границы чётко определены, она чиста и точна.

Таким образом, душа, заботящаяся о себе, находится в движении от неопределённой непосредственности к рефлексии, которая ограничивает себя. «В этом движении и заключается философия, в то время как само это движение и есть действительность».¹² Поэтому заботу души о самой себе можно разделить на три основных аспекта:

- забота о душе как онтологический проект;
- забота о полисе, то есть государстве;
- забота о душе как внутренняя жизнь.

Выделенные аспекты одновременно являются и важнейшими характеристиками заботы о душе.

В качестве *онтологического проекта* душа рассматривается как движение, имеющее власть над собой. Она является перводвижением и одновременно источником любого движения. Душа – это тот принцип, который контролирует изменение. Она есть движение, которым можно овладеть. И это овладение, превращение себя в устойчивое преобразование или же, наоборот, отказ от вся-

¹⁰ Паточка, *Европа и пост-Европа*, указ. соч., с. 85.

¹¹ Там же, с. 87.

¹² Там же, с. 88.

кого воспитания, что приводит к неопределённости, и есть забота о душе.

Поскольку душа понимается как движение и одновременно его источник, она не может пониматься исключительно как индивидуальная душа человека, что приводит нас к представлению, что душа имеет космологическое происхождение, которым она обязана «небу, космосу»¹³, в то время как индивидуальная душа зиждется на мировой душе. Таким образом, в рамках онтологического проекта забота о душе представляется теорией движения.

«Душа – это то, что само себя определяет к своему бытию и тем самым направляет себя к закономерному становлению, или бытию, либо, напротив, к упадку и утрате бытия».¹⁴

Тем самым утверждается, что душа – это то, для чего имеют смысл добро и зло. Она представляет собой движение, а значит, путь, характерный и для созерцания. Для философской работы это значит постоянное вопрошание, но вопрошание, которое фактически не может быть удовлетворено и никогда не приводит к окончательному ответу. В противном случае, при достижении последней точки и истины, достижении совершенства знания, прекращается развитие, а значит, и движение, то есть душа погибает.

Таким образом, забота о душе устраняет всякую наивность, и человек, в том числе и философ, отправляется на поиски «добра и созерцательной ясности обо всём, что он думает, говорит и делает»¹⁵, что приводит нас к заботе о полисе, государстве.

Рассуждая о заботе о душе *в рамках полиса*, Паточка говорит о том, что само общество одухотворено движением душ его членов. Душа вообще сравнивается с полисом, она представляется сложным строением, чем-то постоянным, «имеющим части, т. е. моменты, которые в одно и то же самое время противодействуют и взаимодействуют»¹⁶. Это постоянное напряжение сил приводит душу в движение. Невидимые душевные тенденции и силы показывают себя как внешние сословия и классы.¹⁷

Таким образом, можно сказать, что государство, полис и душа взаимно влияют друг на друга. Забота о душе становится одновременно заботой о государстве, в то время как государство обеспечивает заботу о душе. Забота о душе, в свою очередь, будучи проявлением движения истины, предполагает постоянное напряжение, стремление к лучшему, справедливому государству, новому обществу. Духовные люди, философы, способные благодаря заботе о душе созерцать благо, становятся центром, вокруг которого движется государство. Это центр, из которого возможен подъём и сопротивление упадку. Забота о душе в данном случае также пред-

¹³ Паточка, *Европа и пост-Европа*, указ. соч., с. 91.

¹⁴ Там же, с. 92.

¹⁵ Там же, с. 93.

¹⁶ Там же, с. 96.

¹⁷ См.: Платон. *Государство. Законы. Политик*. М.: Мысль, 1998.

полагает и пробуждение мужества в стремлении позаботиться о полисе. Это значит, что человек, заботящийся о своей душе, способен преодолевать в своём движении к истине инстинкт самосохранения, подвергать свою жизнь опасности во благо государства.¹⁸

Однако забота о душе не может ограничиваться лишь заботой о полисе, одновременно она представляет собой и **внутреннюю жизнь человека**. Забота о душе помогает человеку самоопределиваться по отношению к бытию или небытию, добру и злу, она возникает для человека из его понимания себя как свободного существа, которое движет само себя. Забота о душе как внутренняя жизнь заключается в том, что человек *сам осуществляет себя* посредством мышления, проходит свой путь, двигается и познаёт. В данном случае забота о душе представляется овладением самим собой. Немаловажную роль при этом играет и связь заботы о душе с ответственностью. По Паточке, изначально в человеке доминирует оргиастическое, т. е. иррациональное неререфлексивное начало, представляющее собой неупорядоченную активность. С одной стороны, оргиастический опыт даёт человеку возможность возвыситься над обыденным. С другой же стороны, он приводит человека к упадку, поскольку человек теряет себя в демоническом экстазе, растворяется в нём. В ходе истории человек подчиняет оргиазм – посредством интериоризации – ответственности. Он никогда не может быть устранён или подавлен полностью, но может быть *подчинён* посредством вопрошания. Именно в процессе вопрошания и возникает забота о душе, которая таким образом оказывается неразрывно связанной с ответственностью. Это «индивидуальная, свободная и ответственная душа, которая выбирает себе судьбу и удерживает в своей глубине дисциплинированный сакральный оргиазм»¹⁹.

Можно сказать, что именно забота о душе как внутренняя жизнь показывает чёткую связь между всеми тремя аспектами данного феномена: онтологический проект задаёт основную характеристику души (движение), полис представляется проекцией души, а значит, забота о государстве одновременно является и заботой о душе. Забота об индивидуальной душе осуществляется посредством приведения оргиазма в соответствие с ответственностью, а дисциплинируя иррациональное, мы становимся способны построить рациональное справедливое государство.

Таким образом, забота о душе представляется разноплановым феноменом, который может быть представлен в нескольких основных аспектах, связанных с целым бытия, государством и само-

¹⁸ Подробнее о т. н. «даре смерти» см.: Деррида Ж. Секреты европейской ответственности // Паточка, *Европа и пост-Европа*, указ. соч., с. 166–203.

¹⁹ Хватик И. «Забота о душе» Яна Паточки в «нигилистическом» мире // *Ян Паточка и идея Европы: восточно- и центрально-европейские контексты*: сб. статей; под ред. П. Барковского, Л. Ильюшиной, О. Оришевой, О. Шпараги. Вильнюс, 2011. С. 166.

углублением. Однако феноменологическая трактовка феномена заботы не является единственной, что обращает наше внимание на постструктуралистскую традицию. Последняя представлена Мишелем Фуко, французским философом, изучавшим дисциплинарное общество и его особенности, который обратился к феномену заботы о себе в лекциях «Герменевтика субъекта», опубликованных в 1982 году.

В основном Фуко ведёт речь о т. н. заботе о себе, являющейся условием, благодаря которому становится доступна философская жизнь. Однако забота о себе также является и основой рационального поведения в «любой форме активной жизни, стремящейся отвечать принципу духовной рациональности»²⁰. В своём исследовании французский мыслитель в основном обращается к античной традиции в лице Платона и говорит, прежде всего, о понятии *epimeleia*. Именно данное понятие становится отправным пунктом размышлений философа.

Epimeleia рассматривается в трёх основных направлениях. Первое берёт данный феномен как некое отношение к самому себе, другим, ко всему. Второе представляет его в качестве заботы о том, что ты делаешь, думаешь, включая сюда и наблюдение. Третье утверждает *epimeleia* как свод законов, определяющих формы рефлексии. Фуко противопоставляет самопознание и заботу о себе, пытаясь понять, почему последняя была оставлена без внимания, в то время как первое стало одной из основных установок западной традиции. Следует отметить, что заботу о себе мыслитель связывает со стремлением к истине, истиной как таковой. Именно поэтому данный феномен тесно переплетается с философией и духовностью.

Таким образом, можно выделить два основных измерения трактовки заботы о себе. Первое условно можно назвать *гносеологическим*, т. к. в нём забота о душе рассматривается в тесной связи с самопознанием и стремлением к истине. Второе может быть названо *политическим* постольку, поскольку связывает феномен заботы с политической властью.

Говоря о *гносеологическом измерении*, необходимо отметить, что забота о себе тесно переплетается с самопознанием и стремлением к истине. Забота о себе – это забота субъекта о самом себе, которая связана с духовностью. Фуко пишет, что «обладание истиной не является неотъемлемым правом субъекта»²¹. Чтобы достичь истины, субъект должен *преобразовать себя*, стать чем-то иным. Ценой постижения истины является обращение субъекта. Далее, истина не может существовать без обращения или преобразования субъекта. Она осуществляется посредством движения любви или работы над собой. В результате постижения истины происходит её возвращение к субъекту.

²⁰ Фуко М. Герменевтика субъекта // *Социо-логос*. 1991. С. 202–241.

²¹ Фуко, указ. соч., с. 209.

Таким образом, чтобы осуществить познание истины, субъект должен преобразовать себя, обратить себя в нечто иное. Этот процесс и будет заботой о себе. Тем не менее самопознание не тождественно заботе о себе, оно находится с ней в отношении пересечения. Это значит, что в одних ситуациях самопознание может выступать в качестве заботы о себе, а в других оба феномена выступают раздельно. Помочь понять, когда самопознание не является тождественным заботе о себе, может *политическое измерение феномена заботы*.

«Забота» – это феномен, всегда направленный на Другого,²² в качестве которого может выступать сам человек, другой человек, государство. По Фуко, забота о себе является стремлением осуществлять политическую власть над другими людьми. Заботясь о самом себе, человек сможет заботиться о других: «Я проявляю заботу о себе, чтобы суметь заботиться о других»²³. Но, проявляя заботу о себе, человек совершает благо, а значит, заботится и о полисе, гражданином которого является.

«Человек находит спасение в той мере, в какой её находит государство, и в той мере, в какой государству позволили спастись, проявив заботу о себе»²⁴.

Однако интересен тот факт, что «Фуко представляет субъекта, который не просто пассивно формируется властью, но способен активно участвовать в создании собственной субъективности»²⁵. Это значит, что субъект, осуществляющий заботу о себе, а следовательно, и заботу о государстве, является активным, познающим и конструирующим себя.

В данном контексте уместно упомянуть феномен парресии по-столюку, поскольку он также раскрывает связь заботы о себе и самопознания. Парресия – это акт говорения, одной из характерных черт которого является угроза жизни говорящего. Человек провозглашает истину, несмотря на тот факт, что из-за этого действия он может умереть. Это – своеобразное жертвоприношение. Парресия является связующим звеном между заботой о себе и самопознанием, поскольку, *во-первых*, осуществима только в рамках полиса, т. е. публичного пространства, и, *во-вторых*, предполагает ответственность человека за свои слова и поступки.

«Правда того, что он [человек] говорит, должна обнаруживаться в его поведении и образе жизни»²⁶.

²² См. статью *Забота* в: *Философия: Энциклопедический словарь*; под ред. А.А. Ивина М.: Гардарики, 2004. С. 111–112.

²³ Фуко, указ. соч., с. 214.

²⁴ Там же, с. 214.

²⁵ Schulzke M. Mari Ruti, Reinventing the Soul: Posthumanist Theory and Psychic Life (review) // *Foucault studies* [Electronic resource] 2010. Mode of access: <http://rauli.cbs.dk/index.php/foucault-studies/article/view/3075/3178>. Date of access: 09.05.2012, p. 2.

²⁶ Фуко, указ. соч., с. 220.

И *в-третьих*, с помощью парресии субъект имеет возможность осуществить и преобразовать себя, с чем мы сталкиваемся и в самопознании, и в заботе о себе.

Таким образом, можно сказать, что гносеологическое и политическое измерения феномена заботы тесно связаны. Кроме того, говоря обыденным языком, можно сказать, что, реализуя заботу о себе в политике, публичном пространстве, человек также и познаёт себя, проверяя глубину своего мужества в провозглашении истины.

Ознакомившись с представлениями о феномене заботы с разных точек зрения, предпримем попытку выявить общее и специфическое двух интерпретаций.

Как сказано выше, существует множество трактовок феномена заботы, однако наиболее яркими являются феноменологическая и постструктуралистская интерпретации. Представленные Яном Паточкой и Мишелем Фуко соответственно, они выявляют наиболее характерные черты феномена заботы.

Сопоставляя две различные трактовки указанного феномена, необходимо отметить тот факт, что и Паточка, и Фуко обращаются в своих исследованиях к античной традиции, и в частности к творчеству Платона. Несмотря на то что Паточка говорит о «заботе о душе» (опираясь в основном на диалоги *Апология Сократа*, *Федон* и *Государство*), а Фуко обращается к «заботе о себе» (диалог *Алкивиад*), наиболее существенной точкой схождения двух философов в интерпретации феномена заботы становится тот факт, что оба говорят о том, что забота даёт человеку возможность вхождения в подлинно философскую (у Паточки) и духовно-рациональную (у Фуко) жизнь. Забота предполагает гносеологическое измерение, поскольку она основана на мышлении и вопрошании, самопознании. Но она также является и неотъемлемой частью политической жизни, поскольку именно в ситуации «выхода» в публичное пространство человек сталкивается с тем, что забота предполагает не только заботу о себе или о своей душе, но и попечение о Другом. Причём этим «Другим» может выступать как другой человек, так и всё государство в целом. Кроме того, оба философа утверждают, что посредством заботы человек преобразовывает, конституирует себя, и связывают это со стремлением (движением) к истине.

Таким образом, общим для двух интерпретаций феномена заботы выступает:

- 1) обращение к античной традиции в лице Сократа и Платона;
- 2) понимание заботы как неких «врат», дающих доступ к философской жизни посредством преобразования человеком самого себя и стремления к истине;
- 3) тесная связь феномена заботы с политическим пространством: осуществляя заботу о себе (о душе), гражданин также осуществляет и заботу о государстве.

Что касается специфических черт указанных трактовок, то можно сказать, что они различаются по нескольким направлениям. *Во-первых*, интерпретации различаются по «предикату»: мысли-

тели рассматривают не просто заботу, но заботу о душе и заботу о себе. При этом забота о себе включает и заботу о душе. То есть можно сказать, что Паточка рассматривает более узкий феномен по сравнению с Фуко. Можно предположить, что именно за счёт включения заботы о душе в заботу о себе две трактовки оказываются схожими в фундаментальных основаниях исследуемого феномена.

Во-вторых, различен контекст рассмотрения данного явления. Ян Паточка рассматривает заботу о душе как ядро европейской традиции, особый феномен, являющийся основополагающим для европейского мышления и играющий важную роль в исторической динамике. Фуко же анализирует заботу о себе в контексте конструирования человеком собственной субъективности:

«Наконец, я попытался исследовать – это то, чем я занимаюсь сейчас, – как человек сам превращает себя в субъекта»²⁷.

В-третьих, различия проходят по масштабу исследования. Ян Паточка характеризует заботу о душе не только как индивидуальный феномен, но и как онтологический, рассматривая не только человеческую, но и мировую душу, которая принадлежит космосу. Фуко же затрагивает только индивидуальную душу человека и её связь с социальным. Таким образом, можно сказать, что феноменологическая и постструктуралистская интерпретации имеют как общие, так и специфические моменты, однако сходятся в наиболее важных положениях.

Возвращаясь к проблеме, артикулированной в начале статьи, необходимо отметить, что феномен заботы, предполагая доступ к рациональной жизни, вхождение в неё, открывает для человека новые перспективы существования, возвращая нас не только к вопросу свободы выбора, но и к тому, насколько человек способен взять на себя ответственность за свой выбор. Несмотря на то что некоторые интерпретаторы делают особый акцент на даре смерти, на самопожертвовании человека, который заботится о своей душе/о себе, «заботиться» и «осуществлять заботу» значит не только проговаривать истину, что особенно важно для философа, но и поступать в соответствии с этой истиной. Феномен заботы предполагает не только его осмысление, размышление и рефлексии над индивидуальным и социальным бытием, но и действия по преобразованию самого себя, а следовательно, и общества.

²⁷ Грицанов А.А. *Мишель Фуко*. Минск: Книжный дом, 2007. С. 313.